РЕЦЕНЗІЯ НА "СВАТАНЬЕ".

Сватанье, Малороссійская опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. Грицка Основьяненка. Харьковъ. Въ губ. тип. 1836. (8).

Напередъ всего я долженъ извиниться передъ гг. сочинителемъ, издателями этого журнала и передъ всѣми почтеннѣйшими читателями: вѣсточка моя запоздала; но, какъ доселѣ еще никто меня не опередилъ, то я, правъ не правъ, а по-крайней-мѣрѣ не виноватъ.

«Сватанье» написано на Украинскомъ нарѣчіи; полагать можно, что немногіе изъ Великорусскихъ читателей съ нимъ доселѣ познакомились - покрайней-мѣрѣ съ этимъ «Сватаньемъ», письменнымъ, печатнымъ, и по этому уже, можетъ-статься, изложивъ въ порядкѣ содержаніе этой умной и забавной шутки, угожу я не одному, такъ другому.

Отецъ, мать, дочь, женихъ съ деньгами, женихъ безъ денегъ - и въ этомъ пѣсенномъ представленіи, какъ и во многихъ другихъ, главныя лица. Есть, кромѣ-того, отецъ

богатаго жениха, да два свата, старосты, изъ коихъ одинъ въ-особенности замѣчателенъ. Дѣйствіе въ Харьковѣ, на Гончаровкѣ, гдѣ живутъ городскіе обыватели низшихъ сословій. Прокопъ Шкуратъ пропилъ все, что у него было, коли не больше того, а все таки еще не унялся; и на это у него, какъ увидимъ, свои причины и оправданія. Жена его, Одарка, Дарья, то шумомъ и крикомъ, то исправительными полицейскими мѣрами, держитъ еще кой-какъ мужика въ рукахъ и содержитъ трудами своими: а она бублейница, печетъ бублики, баранки, содержитъ своими трудами и работою дочери Ульяны домъ и дворъ. Ульяна между-тѣмъ выросла, и пора ее отдавать замужъ. Сватается Стецько Кандзюба, дуракъ, да сынъ богатаго мужика, Павла Кандзюбы, Захарьковскаго обывателя; сватается и Алексѣй, славный парень, который угодилъ уже матери Ульяны и тѣмъ, что сковалъ ей кочергу, да только виноватъ въ томъ, что крепакъ, крѣпостной, а вины этой загладить ему не чѣмъ; по

этому Одарка дочери своей за него и не отдаетъ. Рѣчь объ этомъ дѣлѣ ведутъ они вотъ какую:

Дѣйствіе 1. Улица на Гончаровкѣ; вдали видна Холодная-Гора. Прокопъ выходитъ изъ хаты своей вросхмѣль, безъ пояса, безъ шапки, а она прибрана и припрятана хозяйкою для безопасности, и свиту, сермягу свою, несетъ закинувъ на плечо, и попѣваетъ: «спитъ хозяйка, да и не слышитъ, что мужикъ уже наострилъ лыжи; а я тѣмъ часомъ побываю на вольной; спи, женка, спи! коли нѣтъ ни алтына, такъ есть на то кафтанъ: спи женка, спи!» итакъ, Прокопъ опять уже отравляется на вольную, за городскую черту, гдѣ вольная продажа вина, не кабаки, а шинки, и вино нипочемъ и не разведено водою. Но Одарка выскочила и воротила мужа, который повертывается и слушается жены своей, какъ медвѣдь на привязи, крайне неохотно, и притомъ ворчитъ и реветъ. Оправданія его передъ женою очень хороши. На жалобу, что онъ ночь провалялся на Холодной-Горѣ, отвѣчаетъ онъ: «а зачѣмъ же

вольную открыли далече? поставилибъ ее вотъ здѣсь, на нашей улицѣ, такъ я бы выпилъ, да и домой угодилъ». На желаніе Одарки, чтобы вольную отнесли еще дальше, хотьбы въ самый Залютинъ, замѣчаетъ онъ, что «холодкомъ, вечеркомъ, и туда недалече». На упрекъ, что онъ все съ себя пропилъ, Прокопъ говоритъ какъ обиженный: «врешь, не все; шапка у тебя въ сундукѣ, а поясъ я только заложилъ». На вопросъ: зачѣмъ закладывалъ? отвѣчаетъ: «да коли шинкарь въ долгъ не даетъ?» На вопросъ: а зачѣмъ пить? отвѣчаетъ вопросомъ же: «а начто же и вино выдумали, коли его не пить?» и проч. Одарка горько оплакиваетъ судьбу свою, припоминаетъ, какая она была славная дѣвка, какъ просила она мать свою не отдавать ея за простаго мужика, припомнить, что дѣдъ ея былъ попомъ въ Ивановкѣ, что сама она, Одарка, первая по базару бублейница, а мать Прокопа пыжками торговала, что старшая сестра ея за школяромъ, учителемъ, и что и за нее могъ бы лучиться какой-нибудь панычъ,

баринъ, изъ правленія, - такъ нѣтъ, отдала да и только. А между-тѣмъ, Прокопъ чуть было-неулизнулъ; но Одарка его еще вовремя поймала за чубъ, спѣла съ нимь пѣсенку и заперла его въ хату, чтобъ сидѣль. Является Павло Кандзюба, отецъ богатаго и полуумнаго жениха. «Здравствуйте!» «Здорово; вы какъ поживаете?» «Да такъ, до какого часу» отвѣчаетъ Павло: «а оно бы еще и не того». Одарка плачется на участь свою, а Кандзюба даетъ ей совѣтъ: «У меня» говоритъ «была такая первая жена, какъ мужикъ вашъ; вотъ я ее и повезъ къ знахарю; онъ ей и далъ напиться, да и побожился, что не станетъ она больше пить. Чтоже? Можетъ бы и перестала, колибъ пережила; а то, кричала что силы есть до вечера, да и умерла. Повезите и вы своего: можетъ-статься, и вамъ такое счастье будетъ!» За тѣмъ Павло съ должными околичностями спрашиваетъ, можно ли прислать сватовъ, и прибавляетъ: «отдадите, что-ли, или пусть еще подрастетъ?» Все это дѣлается на пѣсняхъ.

Прокопъ опять является и очень радъ этому случаю: «надо» говоритъ «вина припасти на сватанье»; а Одаркѣ сначала не хочется отдавать дочь за жениха, который «убитъ на цвѣту», т. е. дуракъ отъ природы; однако, послушавъ рѣчей Павла, который расказываетъ, что у него воловъ паръ будетъ съ двадцатеро и коровятъ съ пятнадцатеро, и что они всякую фуру берутъ въ Одесъ, въ Крымъ, на Донъ и прочее, спрашиваетъ мужа: «а что, Прокопъ, какъ думаешь?» и на отвѣтъ этого: «да уже ты думай, а я за тобою», соглашается, и Павелъ хочетъ прислать повечеру старостъ, т. е. сватовъ. Прокопъ замѣчаетъ: «вотъ это уже и скверно, что отпустили свата безъ чарки; а все-таки надо теперь припасти ее на сватанье». «Ужь ты мнѣ надоѣлъ и опостылъ съ твоею чаркою! И какъ бы ты ее припасъ? а объѣздчикъ?» говоритъ Одарка. «Будто и первинка!» отвѣчаетъ Прокопъ: «черезъ лѣсокъ, да черезъ ярокъ, да вскочилъ въ садокъ, да и дома; ну, посылай же!» Однакоже Одарка спроваживаетъ мужика своего опять домой,

а Ульяна въ это время подходитъ съ базару, съ рынку, гдѣ купила ленточекъ, да шпалерной бумаги на цвѣты, да на голуби (Въ Россіи дѣлаютъ голуби эти также кое-гдѣ, изъ тѣста, съ бумажными крыльями, или и деревянные, изъ стружекъ.), да еще платокъ, который купила на деньги, заработанныя по пятенкамъ, то есть, на 14-е и 28-е октября (въ это время, убравшись со всѣми работами, мужики собираются зимовать и жениться; въ то время ходятъ сваты по деревнямъ, и дѣвки припасаютъ къ этому времени для жениха платокъ, собирая на него деньги, выручаемыя впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, за пятенковую работу). Ульяна заплатила за платокъ свой «семь полтинъ, да золотой съ пятакомъ»; а купила его у Чугуевской торговки, которая побожилась, что дешевле нельзя отдать; да взяла еще и повязала его ей Ульянѣ на голову, чтобы показать, какъ ей платокъ этотъ къ лицу; а тутъ еще, отколѣ ни взялся панъ, баринъ, да настоящій баринъ: тутъ крестъ, на груди, а тутъ, на шеѣ, кавалерія; да и говоритъ:

«вотъ славная дѣвушка; пристало, пристало!» такъ уже тутъ какъ было не купить платка? Одарка говоритъ дочери: «хорошо, что припасла платокъ; сегодня будутъ старосты.» «Какіе? отъ кого?» «Да отъ Кандзюбы». «Отъ стараго лѣшаго?» «Дура! отъ сына». «Да онъ же совсѣмъ дуракъ, матушка; надъ нимъ и ребятишки на улицѣ смѣются; разъ, пришелъ онъ какъ-то къ намъ, на Основьяненскую мойку, гдѣ шерсть моютъ, такъ тамъ такой былъ хохотъ, что хозяинъ скорѣе прогналъ дурака, чтобы мы работали; неужли на свѣтѣ всѣ люди вымерли, что мнѣ за этого идти?» На все эти отвѣчаетъ Одарка: «глупъ, да богатъ»; уговариваетъ дочь всячески, а наконецъ и приказываетъ за него идти, позабывши, что сама недавно плакала и пеняла на свою мать за насильное свое замужство.

Застѣнчиво заговариваетъ Ульяна про Алексѣя, когда мать грозитъ ей сѣдою косой, и Одарка припоминаетъ коваля-Алексѣя, когда дочь говоритъ ей: «тотъ, знаете, что наварилъ вамъ кочергу, да

недавно сковородникъ подарилъ.» Но Алексѣй, какъ упомянулъ я уже, крепакъ, крѣпостной, хоть и славный молодецъ, и поэтому объявляется Ульянѣ: «скорѣе у меня на ладони волоса выростутъ, чѣмъ я тебя отдамъ за Алексѣя; готовься, сегодня будутъ старосты.» Ульяна плачетъ, тоскуетъ и поетъ одна: «Шелковый платочекъ мой! Натоль я тебя выработала, чтобы мнѣ тебя нелюбому, немилому затыкать за поясъ? Платочекъ мой шелковый! оботри слезинку мою! Пусть отъ нея слиняютъ цвѣты твои. Платочекъ мой шелковый! не доставайся жь ты врагу моему: покрой ты ясныя очи мои, когда я закрою ихъ навѣки!»

Приходитъ женихъ, Стецько. Это Филатка на Украйнѣ, да живой дуракъ, какъ есть они на каждомъ почти селѣ, по одному, по два, живой взятъ на прокатъ и поставленъ на доску. Онъ разсказываетъ Ульянѣ все, чему училъ его отецъ, когда посылалъ сюда, да только Стецько выворотилъ все это наизнанку и дорогою половину перезабылъ. За это онъ, отъ себя

уже, поетъ пѣсню, ровно въ печатную страницу, въ которой нѣтъ ни на алтынъ смыслу или толку; а Ульяна отказываетъ ему напрямикъ и наотрѣзъ, пѣсенкою же, которую трижды заканчиваетъ словами: «Стецько срамной, Стецько дрянной! чуръ тебя, невяжися; ну, тебя, отметися, полуумный!» Стецько сердится - да нечего взять. Приходитъ Алексѣй и подслушиваетъ, какъ Ульяна, разсмѣявшись наконецъ отъ проказъ полуумнаго, начинаетъ дурня дурачить; онъ говоритъ о сватьбѣ, а она ему поддакиваетъ, и Алексѣй, вышедъ изъ терпѣнья, поетъ:

Тотъ ли это родничекъ, что голубь купался?

Та ли это дѣвчоночка, что я женихался?

попрекаетъ Стецька, что онъ дуракъ и малоумный, беретъ хорошую дѣвку и погубитъ ее, неумѣя ни присмотрѣть за хозяйствомъ, ни заработать копейку, и скоро пуститъ все богатство свое на всѣ четыре стороны. Стецько оправдывается, и въ доказательство, что и онъ парень

дѣловой, разсказываетъ, какъ отецъ его было-заставилъ молотить, да талану не было: онъ, Стецько, съ третьяго удара раскроилъ товарищу, старику Аѳанасію, лобъ, и съ-тѣхъ-поръ молотить закаялся. Посылалъ его отецъ и чумаковать, въ извозъ, мукою въ Одесъ, а онъ доѣхалъ до Основа, въ Харьковѣ, заснулъ на току, упустилъ повозку съ волами, такъ что за нею послѣ и отецъ набѣгался. Старикъ осерчалъ, да и отправилъ сына въ приводъ, гдѣ рекрутъ принимаютъ: и тамъ, говоритъ, не было счастья: не съумѣлъ пересчитать пальцевъ, ему и забрили затылокъ. Между-тѣмъ Одарка, невыходя изъ дома, зоветъ дѣтей обѣдать; на это дѣло Стецька дважды звать ненадо; пошелъ, а Ульяна разговариваетъ, горюетъ и поетъ съ Алексѣемъ. Мать шлетъ за нею Стецька, который преглупо ломается и бодрится передъ Алексѣемъ и кричитъ наконецъ: «караулъ! кто въ Бога вѣруетъ, спасайте!» по случаю того, что Алексѣй, который впрочемъ давно уже покинулъ дурака и ушелъ, ухватилъ-было его самохвала за

воротъ. Дѣло развязывается троегласною пѣсенкою, и Стецька успокоили, подавъ ему огромный ломоть крутой каши.

Дѣйствіе второе. Та же улица. Является главное, новое и самое занимательное, живое и мастерское лицо Осипъ Скорикъ, отставной солдатъ. Нельзя передать разговоръ Скорика во всемъ блескѣ подлинника, нельзя потому, что этотъ картавый, искаженный, полурусскій и полуукраинскій языкъ и произношеніе отставнаго солдата, природнаго Украинца, можно только передать словесно или узнать и отгадать на письмѣ тому только, кто встрѣчалъ на вѣку своемъ подобныя лица. «Што за пріятный отъ-сей Харьковъ» говоритъ Скорикъ: «ей истинно! и за границею такова не выдалъ! такы што хозяинъ, то и доброй чалавѣкъ. Вотъ усю Туречыну, Францыю и Рассѣю праходылы, а нѣтуте такова прыятново города! Ни хрестыны, ни сватьба у знакомыхъ не буваить, штобъ безъ меня-та абашлось. Правда и то, што ужъ нихто такъ порядка не дасть какъ я (нюхаетъ табакъ).

Повыдавъ такы свиту и я на своемъ вику! Такъ куды мужыку справытся-та противъ нашаво брата, хочъ у дружкахъ, али у старостахъ, али у кумахъ. Всѣ законы знаю, аттаво и усѣ ка мнѣ. Въ свѣтѣ только жывы умѣючи, а то не пропадешь зъ голоду.» Вотъ вамъ Осипъ Скорикъ; онъ весь въ этихъ словахъ; свиду простъ, умомъ недалекъ, а плутъ преосновательный; третье слово у него Нѣмечына, Туречына, Францыя; тамъ онъ и закону, т. е. обрядамъ сватебнымъ и крестиннымъ выучился; не дастъ себѣ поперечить никому, упрямъ, настойчивъ, неуменъ, да смышленъ; гдѣ не беретъ резонтомъ, возьметъ тѣмъ, что напугаетъ знахарствомъ и ворожбою; словомъ, онъ въ своемъ кругу жить умѣетъ и дѣйствительно съ голоду не пропадетъ.

Осипу досталось и сегодня быть старостою, сватомъ, у дурака Кандзюбы, и, спѣвъ пѣсню, да выслушавъ другую отъ подошедшаго Алексѣя, знакомятся они, и оказывается, что Осипъ Алексѣю дядя(Для объясненія этого надобно замѣтить, что

Осипъ и самъ только-что прибылъ въ Харьковъ изъ села своего, да и Алексѣй, вѣроятно, какъ господскій, живетъ тамъ въ работѣ только временно, будучи родомъ изъ сосѣдственной деревни.) На распросы Алексѣя Скорикъ говоритъ о себѣ: «Изъ палявыхъ, былъ у нехвалыдахъ, а дали чыстую палучылъ. Хотѣлъ, штобъ такы навидаться да сваихъ; хочъ бы сестру повыдавъ. Десять гадовъ какъ іи не выдалъ; було замыреные, такъ у отпускъ прыхадылъ. Ты ищо бувъ махенькый, не помнышь». А дальше: «Есть ли такая старана, гдѣбъ я не бувалъ! Булы мы и у Францыи, усю Нимецыю прайшлы, у Рассѣи стаялы, да и у Туречыну заверталы! Што-то, батюшкы, свѣтъ велыкый! какъ вы живете здѣся у глуши, такъ и думаете, што вотъ только и свѣта, што надъ вамы! Будетъ чего паслушать пра чужыи земли! Усякъ, кто ни разсказуетъ, усякъ брешетъ, вретъ, усё не такъ; я до всего прыглядался. Тамъ, братъ, усё не такъ какъ у насъ; прыйдешь у Францыю, такъ тамъ усё Французъ нагало. Вотъ у насъ, примѣромъ-

сказать, хлѣбъ; вотъ, и я, и ты, и усякъ знаетъ, што-то хлѣбъ; а у ныхъ такъ иначе зовётся; али вотъ вода - ну, малая дытына у насъ назавётъ воду водою; а у ныхъ, такъ не вмѣютъ такъ назвать» - и прочее. Подходитъ Ульяна, которую выжидалъ тутъ Алексѣй, и жалуются оба дядѣ Осипу на бѣду свою; просятъ, поютъ, умаливаютъ его. Онъ подается, да только увѣряетъ, что онъ прысяжный чалавѣкъ, обѣщалъ, и долженъ сватать Ульяну за дурня Стецька; но - «изъ военнаго артыкулу закыну» продолжаетъ онъ: «и усё дѣло около палця зверну; а кагда што не то, такъ мы и наговорною водицею попоштуемъ»; потомъ поетъ:

Булъ у Нѣмцевъ на родынахъ
И у Турковъ на крыстынахъ,
У Французовъ булъ дружкомъ,
Тамъ ходылъ я съ рушныкомъ.

и проч. и проч. Затѣмъ, Осипъ отправляется, сказавъ Алексѣю: «черезъ часъ мѣста, дожидай меня на Лопонскомъ-Мосту, я тебѣ другой пароль скажу». Замѣтимъ, что Осипъ Скорикъ, хоть и

былъ, какъ видно по всему, фрунтовикъ очень посредственный, охотнѣе всего однакоже бросаетъ пыль въ глаза воинскими ухватками и выраженіями; если онъ на службѣ не выучился дѣлу, то выучился по-крайней-мѣрѣ плутовать. Ульяна, Алексѣй и Стецько продолжаютъ разговоръ, покуда наконецъ Алексѣй говоритъ дураку: «полножь, Степушка, тебя и до ночи не переслушаешь.» А между-тѣмъ Прокопъ крадется опять на вольную и сманиваетъ съ собою дурака, у котораго есть деньжонки. Разохотивъ и уговоривъ его, запѣваетъ Прокопъ плясовую: «горилочка лепська, шынкарочка хвеська»; тотъ пристаетъ подъ напѣвъ его, и оба, приплясывая, уходятъ. Ульяна бѣдуетъ, что упустила отца: мать бранить станетъ, но утѣшается хоть тѣмъ, что таки не дала ему шапки. Молодые наши продолжаютъ словомильничать; Алексѣй говоритъ: «хоть бы я надъ панами панъ былъ, хоть бы ахвыцеромъ былъ, все бы я любилъ тебя какъ теперь; и хотьбы мнѣ одежи на цѣлый годъ давали, либо пару воловъ, либо въ

атаманы поставили, ничего не захотѣлъ бы, кромѣ тебя.» А Ульяна на это: «пусть бы сватался за меня не только Стецько, да хотя бы то и самъ хватальный, да давалъ бы мнѣ хоть сколько нитокъ намиста съ дукатами, да справилъ бы шелковую запаску, и прочее, и прочее, то вотъ тебѣ побожуся, что плюнула бъ ему межи-очи!» Мать подходитъ - а она ходила въ мясные ряды купить говядины на сговоръ - и говоритъ дочери: «А не стыдно тебѣ, дѣвка, среди бѣлаго дня съ молодцомъ на улицѣ стоять? Развѣ это вечеръ? Не умѣешь отойти куда-нибудь въ уголокъ, а то и маячитъ, всѣмъ въ глаза, какъ верста!» Алексѣй и Ульяна упрашиваютъ за себя мать и умаливаютъ рѣчами и пѣснями; но та стоитъ на своемъ: богатый, говоритъ, да и только. Мать уводитъ съ собою Ульяну, а къ бѣдующему Алексѣю, чтобъ потѣшить его, подходитъ дуракъ, который, отправившись съ будущимъ тестемъ своимъ на вольную, покинулъ его на дорогѣ, а самъ воротился, потому-что не могъ за нимъ поспѣть: тотъ за этимъ дѣломъ шагомъ не

ходитъ, а пустился сначала ходою, а тамъ рысью, а тамъ и въ припрыжку.

Дѣйствіе третье. Хата Прокопа Шкурата; столъ, покрытый ковромъ, а сверху еще и скатертью; на столѣ ржаной хлѣбъ. По обѣимъ сторонамъ стола скамейки; въ углу печь.

Прокопъ является зрителямъ въ такомъ видѣ, какъ воротился онъ съ вольной: хмѣльнымъ; онъ спитъ на скамьѣ. Одарка, невидя его, бѣдуетъ: «скоро старосты придутъ; что безъ отца дѣлать станемъ?» Между-тѣмъ она уговариваетъ и учитъ Ульяну, какъ ей себя держать, и приказываетъ ей колупать печь, когда придутъ старосты; это значитъ, обычай велитъ, чтобы молодая стыдилась, стояла подлѣ печи, ковыряла бы ее, опѣшавъ и оробѣвъ, пальцемъ, и закрывалась бы отъ людей рукавомъ или локтемъ. Одарка, ожидая мужа, проклинаетъ въ стихахъ и въ прозѣ неволю свою и насиліе матери, отдавшей ее за негоднаго человѣка, а между-тѣмъ, сама дѣлаетъ то же. Увидавъ мужа, толкаетъ она и подымаетъ его и

спрашиваетъ: «гдѣ былъ?» - «Что-то не помню.» - «Да уже ни гдѣ больше, какъ на вольной!» - «А постой, побѣгу я, да спрошу, былъ ли я тамъ?» Но Одарка пристаетъ къ нему не шутя: «зачѣмъ таскался, когда я не велѣла?» Прокопъ увѣряетъ, что ходилъ выкупать поясъ на деньги зятя; та, успокоившись этимъ немного, напоминаетъ мужу, по случаю предстоящаго рукобитья, о обоюдной молодости ихъ; супруги разнѣжились, помолодѣли духомъ, поютъ. Одарка требуетъ, въ нѣжности своей, отъ мужа пояса, чтобы подпоясать его и снарядить къ пріему гостей; Прокопъ нѣжно распѣваетъ: «возьми поясъ, подпояшь, да легонечко!» «Давай, давай, голубчикъ, давай поясъ сюда» отвѣчаетъ Одарка, - и Прокопъ признается, что пояса нѣтъ: не выкупленъ, а остался въ шинкѣ. Одарка, распѣвая: «хоть грѣхъ, хоть два, а побью я пьянюгу», засучаетъ уже рукава, - но вдругъ стучатъ у дверей; Одарка думаетъ, что пришли старосты, усаживаетъ мужа, отложивъ пару до другаго времени: «ну, тебя! садись

скорѣе, послѣ побью.....» Но входитъ Алексѣй, спокойный, веселый, говоритъ, что пришелъ, по зову стариковъ, посмотрѣть на сватанье и не поминаетъ уже болѣе угрозы своей утопиться или идти въ солдаты. У дверей стучатъ снова; старуха прибираетъ все, наставляетъ еще дочь, усаживаетъ старика и говоритъ ему: «ну, совсѣмъ; починай!» На это Прокопъ говоритъ громко: «коли добрые люди, такъ просимъ на домъ, а коли такъ себѣ, то не прогнѣвайтесь!» Скорикъ и Тымишъ, житель Заиковки, входятъ съ дубинками и съ хлѣбомъ; это старосты, сваты, а съ ними и женихъ, Стецько. Тымишъ, по совѣту товарища своего, Осипа Скорика, за умѣлыми и бывалыми не суется, а ждетъ команды и только поддакиваетъ: «такъ-таки, такъ» (въ этомъ словѣ, за исключеніемъ одной пѣсенки, заключается весь разговоръ его); но Тымишъ не лишній, потому-что обычай велитъ приходитъ, на сватанье двумъ старостамъ, а не одному. Осипъ начинаетъ сватать по закону: «Прежде всего, позвольте во фрунтъ стать,

да безъ темповъ честь отдать, а просто поклониться и добрымъ словомъ прислужиться. Сперва послушайте насъ, а послѣ будетъ приказъ отъ васъ. Коли будетъ тее, такъ мы и онее; колижь наше слово невпріемъ, такъ мы отретируемся и прочь пойдемъ. А что мы не дезертеры и не мародеры и безъ худой науки, такъ вотъ вамъ хлѣбъ святой въ руки.» Разговоръ обиняками продолжается; Скорикъ говоритъ о землѣ Францыи, которая «анъ-да за Москвою будетъ еще верстъ со сто». Прокопъ освѣдомляется тотчасъ по своей части, и узнаетъ, къ крайней радости своей, что въ землѣ этой вольная продажа вина и всякій пьетъ безъ заказу-чего! что тамъ даже гарилчаны каладези, какъ Осипъ выражается картавымъ языкомъ своимъ, т. е. винные колодези. Осипъ продолжаетъ дѣло свое, говоритъ уморительно-смѣшно иносказаніями, но всего этого выписать нельзя; по случаю жь увѣреній Осипа, что они пришли въ домъ этотъ слѣдомъ, порошею, слѣдили куницу, лисицу, либо красную дѣвицу, и Стецькѣ удалось

отпустить острое словцо; онъ начинаетъ трезвонить: боу, боу, боу, съ замѣчаніемъ, что это «по Москалевій брехни дзвонють», то есть, бьютъ въ колокола, въ честь вранья Москаля-Осипа, и спрашиваетъ: «какая лѣтомъ пороша?» Но Осипъ не потерялся: «молчи, шпіонъ; не дастъ и закону исполнить!» кричитъ онъ жениху Стецьку, и продолжаетъ вести обрядъ со всѣми околичностями; жениха, какъ водится, называетъ онъ княземъ и говоритъ объ немъ: «Э, хочъ нашъ князь и дыкой, одначе онъ штукарь велыкой; какъ на свѣтъ радылся, то шщо самъ съ собою небылся (т. е. не дрался); кагда жь ляжетъ спать, такъ атъ нево и слова не слыхать; самъ у себя грошей не кралъ, атъ воды пьянъ не бувалъ» - и проч. Прокопъ замѣчаетъ, что пора бы вершить дѣло, да обнести почаркѣ. Оно-таки и подходитъ къ концу; согласіе родителей дано, и Ульяну посылаютъ вынести на тарелкѣ рушники, полотенца, которыми слѣдуетъ повязать черезъ плеча старостъ. Ульяна плачетъ, ломаетъ руки, но повинуется. Старосты съ обычными

обрядами подвязываютъ другъ другу рушники; Осипъ приговариваетъ, а Тымишъ поддакиваетъ. Наконецъ Осипъ говоритъ: «А штожь? дѣлайте дѣло съ концомъ; мы приведенные нетакъ виноваты; вяжите и колонновожатово.» Приходится Ульянѣ вынести шелковый платочекъ свой и подать его Стецькѣ; но сердце взяло верхъ; нѣтъ силъ болѣе повиноваться; и угрозы матери, и строгій наказъ ея, и бѣшенство не помогаютъ; Ульяна говоритъ: «не могу; хоть убей, не пойду съ мѣста». Тогда Осипъ Скорикъ является опять въ полномъ блескѣ и досужествѣ пріобрѣтеннаго во Франціи да въ Туречинѣ всезнанья. «Постой, мать» говоритъ онъ: «это неспроста. (Посмотрѣвъ Ульянѣ въ глаза:) Наслано; я вамъ говорю, что наслано; да не побоимся насылки, умѣемъ и отослать. Мы бували по свѣту, видали виды и знаемъ, что къ чему. Пойдемъ сюда въ уголокъ, Ульяна; не смѣй никто подходить!» Одарка въ отчаяніи отъ насылки, перебираетъ по пальцамъ враговъ своихъ, и уже удостовѣрилась, что это наслала

Сюсюрчиха, съ которою она на базарѣ побранилась. Между-тѣмъ Ульяна оть трехъ словъ Осипа побѣжала какъ встрепаная въ комору за платочкомъ, и Скорикъ уже снова похваляется, что это и наслано неумѣючи: и погрознѣе попадались насылки во Франціи, да въ Туречинѣ, да справлялись съ ними! Одарка проситъ, нельзяли и Прокопію сдѣлать что-нибудь, чтобы пересталъ пить? И Осипъ, поглядѣвъ ему въ очи, говоритъ: «это далъ кто-то умѣючи; много мнѣ съ нимъ возни будетъ», и признаится, что ротный Фельдфебель въ такихъ отчаянныхъ случаяхъ мастерски отчитываетъ заговоры лозою. Вспомнивъ этого друга фельдфебеля, Осипъ чтитъ его поминною пѣсенкою; Тымишъ опять поддакиваетъ. Ульяна выноситъ что-то закрытое шелковымъ платкомъ и потчуетъ Стецька; этотъ, опѣшавъ въ радости своей, хочетъ сказать обычный въ такихъ случаяхъ привѣтъ: спасибо матери, что дочь свою рано будила, да прясть учила, - и не вымолвитъ; Алексѣй въ то же время подошелъ и взялъ платокъ, а Стецько,

кончивъ безтолковую свою рѣчь, хватаетъ зря большую тыкву, гарбузъ, который принесла для него Ульяна. Одарка, которая уже въ дѣвкахъ была старшею и первою бублейницею и отамаковала надъ товарками своими, привыкла, чтобы ее слушались; она знать не хочетъ мороки этой и на стѣну лѣзетъ-бѣсится, не благословляетъ дѣтей, несмотря на просьбу Прокопа: «да ну, благословляй что-ли; пора по чаркѣ!» Но Скорикъ, съ замѣчаніемъ, что рѣчи Одарки «настоящій батальный огонь», идетъ въ секурсъ на штыки. «Молчи, коли такъ» говоритъ онъ, притопнувь ногой: «не то, скажу Французское слово, и станешь кобылой!» Этого Одарка испугалась насмерть, замолкла, но говоритъ: «молчать молчу, а благословлять не стану». Осипъ, откомандовавъ смирно, убѣждаетъ ее разными доводами; между-прочимъ и тѣмъ, что «во всѣхъ земляхъ, гдѣ онъ не перебывалъ, вездѣ такой законъ, что у кого платокъ, тотъ и женихъ; а у кого гарбузъ, тотъ ступай вонъ; это» говоритъ «споконъ-вѣку такъ, и перемѣнить этого нельзя;

иначе отступнику грѣхъ смертельный, да сверхъ-того и на скотину падежъ будетъ». «Да у насъ» говоритъ Одарка «ни вола, ни коровки: старикъ все давнымъ-давно пропилъ.» «А міру христіанскаго не жалѣешь?» спрашиваетъ Скорикъ: «а что тогда скажешь, какъ на цѣломъ свѣтѣ выдохнетъ скотина? Тогда тебя на абвахту, да подъ военный судъ!» «А какъ подъ судъ подложатъ ково» замѣчаетъ Прокопъ «такъ и поворотиться нельзя!» «Это первое дѣло» продолжаетъ Осипъ, «а второе: зачѣмъ не хочешь отдать дочь за Алексѣя? онъ парень важный, разумный, ремесленный; а ты не знаешь военнаго артикула, такъ и порешь вздоръ.» И доказавъ ей, какъ присяжный человѣкъ, который неправды говорить не можетъ, что Ульянѣ съ крѣпостнымъ Алексѣемъ лучше жить будетъ, чѣмъ съ вольнымъ, полуумнымъ Степаномъ, и утѣшивъ Прокопа тѣмъ, что въ селѣ Алексѣя вольныя на десять верстъ кругомъ, играетъ еще новую комедію. Чтобы удушить зависть Одарки, у которой «сердце болитъ, коли вспомнитъ, что лишается

имущества стараго Кандзюбы», Осипъ, глянувъ на нее, видитъ, что и это неспроста, и это наслано. Насылку эту надо снять, чтобы Одарка отъ нея не зачахла. Одного послѣдняго слова довольно, чтобы согласить Одарку на все и убѣдить во всемъ. Она уже слышитъ, какъ ее беретъ изъ-за плечь, и умоляетъ Осипа снять скорѣе заговоръ. Скорикъ, послѣ разныхъ продѣлокъ, заставляетъ всѣхъ глядѣть въ миску съ наговорною водою и дивиться, что не видать въ ней ни одной скотинки; «бонъ журъ, мадамъ Одарія, снято; отъ кого пришло, на того и перешло! Такъ-то» продолжаетъ онъ: «все богатство Кандзюбы пропадетъ изъ памяти твоей и не будетъ тебя болѣе мучить, коли ты воду эту выпьешь, черпая, натощакъ, по наперстку въ день. А молодые наши, какъ будутъ жить хорошо, да работать, такъ соберутъ и больше того. И я ходилъ по Франціи, по Туречинѣ, по Россіи, да собралъ 50 цѣлковыхъ и завѣщаю ихъ, по смерти моей, племяннику Алексѣю; онъ меня и схоронитъ...» Одарка рада, рада, что

насылку съ нея сняли, рада и цѣлковымъ Скорика; простыла, перебѣсилась и благословляетъ дѣтей. Скорикъ снова повязываетъ себѣ полотенцо, вступаетъ въ должность старосты, оканчиваетъ обрядъ по закону, какъ видѣлъ во Франціи да въ Туречинѣ. Садятся обѣдать, по закону же; Прокопъ замѣчаетъ, что Осипъ первое разумное слово сказалъ, когда онъ говоритъ: «вотъ теперь, по трудахъ, можно и порцію выпить»; Стецько отправляется съ гарбузомъ во-своясы; дѣвки, дружки, приходятъ, поютъ сватебныя пѣсни, а Одарка, по закону, плачетъ; потомъ всѣ распѣваютъ, на-радостяхъ, пѣсни; Прокопъ совѣтуетъ пить, Одарка держать мужа въ рукахъ, Алексѣй и Ульяна любиться, Скорикъ безъ команднаго слова никому не ступить шагу; Стецько возращается и совѣтуетъ всѣмъ не свататься и не жениться; а Тымишъ всѣмъ безъ исключенія поддакиваетъ и поетъ еще пѣсенку, въ которой совѣтуетъ: не спорить, не толковать, а поддакивать всѣмъ и всякому: такъ, такъ, такъ, - и дѣло съ

концомъ. Общій хоръ заключаетъ представленіе.

Вотъ вамъ и «Сватанье». Въ представленіи мы его не видали, а слышали, что выходитъ хорошо. Слышали также, что «Сватанье» и на музыку положено хорошо; пусть бы объ этомъ сказалъ слово кто видѣлъ да слышалъ. Въ словахъ, кажется, кой-гдѣ есть длинноты; однако не поручимся и за это: надо видѣть такую вещь на дѣлѣ, а не на письмѣ, чтобы судить толкомъ. Объ изложеніи, завязкѣ и нѣкоторыхъ частностяхъ можно, думаю, судить по выдержкѣ моей: забавно, занимательно, остро; развязка скрыта до самаго роковаго переворота; а главное достоинство - это неподражаемая естественность, легость и вѣрность, съ какою Основьяненко пишетъ дѣйствующія лица свои. Кто знаетъ земляковъ нашихъ, тотъ встрѣтится съ ними въ картинахъ Основьяненка лицомъ-къ-лицу, съ живыми, природными; встрѣтитъ ихъ цѣликомъ, со всѣми причудами и оттѣнками причудъ,

какъ встрѣчалъ, бывало, на родинѣ ихъ, въ домахъ, на базарахъ, на улицахъ.

Не позволятъ ли мнѣ гг. читатели и писатели при случаѣ этомъ сказать еще слово? У насъ и пишущіе и читающіе несовсѣмъ еще согласились въ томъ, что такое народная, что простонародная словесность, и годна ли къ чему та и другая. Народная словесность родъ, простонародная видъ; первая можетъ относиться къ духу, обычаямъ, жизни всѣхъ званій и состояній одного и того же народа; вторая - собственно къ житейскому быту, жизни духовной и тѣлесной простолюдина. Съ гражданами всемірными или даже только чисто Европейскими, которыхъ умъ и сердце превыше всякой мѣстной привязанности, которые парятъ возвышеннымъ духомъ надъ всею Европою, возносятся даже въ предѣлы, изъ коихъ весь шарообразный міръ нашъ созерцаютъ какъ на ладони, не обращая ни на одну теплотворную точку его особеннаго, сьновняго вниманія, любви и привязанности - съ этими молодцами спорить не станемъ:

для нихъ народнаго нѣтъ. Но, кто понялъ душою, что такое народность, тому и простонародное, какъ и коренная, основная и большая часть цѣлаго, будетъ и любо, и мило, и дорого. Въ простонародномъ же произведенiи словесности, можетъ быть достоинство троякое: языкъ, бытъ, и самая завязка или содержанiе. Языкъ дорогъ намъ какъ родной, неизмѣненный влiянiемъ языковъ чужеземныхъ, незамѣтно совершенствующихъ и искажающихъ языкъ образованныхъ сословiй; бытъ объясняетъ намъ всю духовную и тѣлесную жизнь братьевъ, земляковъ и предковъ нашихъ; завязка, или содержанiе, составляетъ основу ткани, безъ которой не было бы ни цвѣтовъ, ни узоровъ.

Письменныя произведенiя Основьяненка(«Малороссiйскiя Приказки» Гребенки должно причесть къ этому же разряду. Это басни, безподобно приноровленныя къ быту Украинцевъ. Жаль, что на такихъ писателей нетакъ много читателей.) принадлежатъ безспорно къ самымъ вѣрнымъ, яркимъ и цвѣтистымъ

картинамъ быта простолюдиновъ той части нашего огромнаго отечества, гдѣ живетъ и пишетъ сочинитель. Не всѣмъ доступное нарѣчіе, на которомъ онъ пишетъ, лишаетъ многихъ умилительнаго наслажденія упиваться мастерскими разсказами его; но - да будетъ стыдно тѣмъ, которые, непонимая, или даже и нечитая того, что пишутъ Украинцы, выписываютъ нѣсколько строкъ изъ книжки, и, съ замѣчаніемъ: «да это повѣсти» - переходятъ къ такому же основательному разбору слѣдующихъ за тѣмъ книгъ. Коли лошадь меня лягнетъ, такъ это - сказалъ мнѣ однажды волостной мудрецъ - это меня не безчеститъ, и я прощаю ей воуваженіе того, что Богъ далъ ей копыто. Можно знать по-Исландски, можно быть и весьма ученымъ человѣкомъ, да коли мутно на умѣ и на душѣ, коли не браться ни за какое дѣло безъ стороннихъ видовъ и личныхъ, собственныхъ выгодишекъ - такъ надобно идти или въ Факторы или въ маклеры. Если безъ собственнаго чувства и убѣжденія, кричать: пишите по-Русски, пишите по-Русски!

бранить притомъ Французовъ и Нѣмцевъ, а самому писать ни по-каковски и обкрадывать и тѣхъ и другихъ - такъ оть этого еще никому тепло не будетъ, еслибы даже и самъ ораторъ разъѣзжалъ и въ тысячной енотовой шубѣ.

В. Луганскій.